

СОЛДАТ, КРАСИВЫЙ И ОТВАЖНЫЙ

70 лет Булату Окуджаве

Константин КЕДРОВ, «Известия» — 1994. — 7 мая. с. 7.

Страна услышала Окуджаву в конце 50-х — начале 60-х годов. Его песня о красивом и отважном бумажном солдате, смело шагнувшем в огонь, стала любимой песней русской интеллигенции 60-х годов.

Так получилось, что, вернувшись с войны, Булат Окуджава стал все более ощущать поспешность выводов о нашей победе над фашизмом. Победив немецкий фашизм, мы уже к 49-му году довольно успешно взрастили русский. Борьба с космополитами безродными плавно переросла в чудовищное дело врачей, а к середине 60-х началась вакханалия борьбы с мифическим сионизмом.

Каждая песня Окуджавы возвращала стране ее человеческий облик. Над Москвой летел спутник, а Марья Петровна спешила за селедочкой, гремели бравурные бесконечные парады Победы, совпадавшие с днем рождения поэта, а девочка плакала — «шарик улетел». Шли танки с помпезных парадов, уродуя гусеницами асфальт, а поэтический троллейбус Окуджавы вершил по бульварам кружение, «чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи крушение, крушение».

Еще не были введены танки в Чехословакию и в Афганистан, а уже предупреждали всех песни поэта: «вы слышите, грохочут сапоги...». Горькой печалью о всех, кто погиб и погибнет в будущих бессмысленных войнах, — поминальная песня о Леньке Королеве — короле московских дворов.

Страна полюбила своего поэта сразу, и никакие заказные критики ничего не могли и уже никогда не смогут поделаться с этой любовью.

Многие думали, что эти песни намертво привязаны к своему времени и потому недолговечны; однако сменилось четыре десятилетия, пришли 90-е, а представить себе русскую поэзию второй половины XX века без интонации Окуджавы уже невозможно.

Она отчетливо слышна и в его игровой исторической и артистической прозе. Это мог быть роман о Льве Толстом и о горькой судьбе стукача, представленного к нему для постоянного надзора, или веселый роман о 1812 году — все, к чему прикасается перо Булата Окуджавы, становится праздничным и необычным.

Запас самоиронии поэта оказался настолько велик, что его не захлестнула ироническая волна постмодернизма. Вопреки мрачным прогнозам некоторых бойких литературных поденщиков Окуджава не устарел и не превратился в свадебного генерала русской поэзии.

В песенной поэзии XX века голос Окуджавы звучит в унисон с голосом Вертинского. Прелесть этих стихов открыта самим поэтом: «каждый пишет, как он слышит». Ни одной фальшивой ноты — только искренность, только поэзия.

Окуджава никогда не впадает в пафос. Главная болезнь всей советской литературы его не коснулась. Он всегда естествен и полностью откровенен. Это антиидеологическая поэзия. Она неподвластна смене систем. Однажды где-то в конце перестройки Окуджава сказал о своей поэзии: зрители еще ходят, но спектакль окончен.

Он ошибся. Театр Окуджавы не кончится никогда. Песни средневековых вагантов-трубадуров и менестрелей поются и по сей день. Поэзия Окуджавы продолжает тысячелетнюю песенную традицию европейской литературы. Его мелодии звучат в Нью-Йорке и в Париже так же естественно, как в Москве. Арбат Окуджавы стал таким же феноменальным явлением русской литературы, как Невский проспект Гоголя. «Ах Арбат, мой Арбат, ты — мое Отечество, ах, Арбат, мой Арбат, ты — моя Религия».

Арбат сегодня остался только в стихах поэта. Обезобразить великую улицу Москвы удалось за 2—3 года, но в песнях Окуджавы навсегда останется московский Арбат, улица русской интеллигенции XX века. Принято считать, что поэзия Окуджавы — голос поколения, вернувшегося с войны. Символично, что и день рождения поэта приходится на 9 Мая — День Победы.

На самом деле его поэзия — это голос лучшей части воевавшего поколения. Ведь с войны вернулись и те, кто потом непрерывно лгал о наших бесчисленных победах, утаивая их кровавую цену. И те вернулись, кто писал гневные письма в ЦК КПСС, требуя запретить «клеветнический фильм» о войне «Женя, Женечка и «Катюша», где звучала песня Окуджавы о каплях датского короля.

Поэзия Окуджавы — это голос не только тех, кто вернулся с войны, но и тех, вернувшись с нее, прозрел. Это голос прозревшего поколения.

Сам поэт рассказал о своем прозрении в одном из интервью.

— Почему вы пошли на фронт? — спросила Окуджаву иностранная журналистка.

— Воевать с фашистами, —

ответил поэт, и тотчас поймал на себе ее удивленный взгляд, — ведь для нее он был таким же фашистом, только не со свастикой, а со звездой.

Это, конечно, поэтическая гипербола. Фашистом поэт не был никогда, но что Сталин и Гитлер — две тоталитарные силы, абсолютно равнозначные, и сегодня поняли далеко не все. Окуджава понял это раньше других. За это его возненавидели люто и красные, и коричневые. Это было и в 60-х и в 70-х, в ту пору, когда «чтоб каждый был выявлен, каждый, на каждого умного по ярлыку наклеено было однажды». Но вот эпоха ярлыков стала явно клониться к закату, красные отстали от Окуджавы, зато с удвоенной силой взялись за него коричневые. Он и русского языка не знает, и над русской историей измывается, и песни его не имеют корней. Все, как в знаменитой сказке Ершова: «каталицкий держит крест и постами мясо ест».

Самое удивительное, что после падения большевизма к травле поэта подключился новоявленный, правда, весьма запоздалый, борец с шестидесятиниками, снискавший позднее громкую славу тем, что публично признал себя антисемитом. Подрастает новая смена завистливых бездарей, ненавидящих поэта за то, что ему по-прежнему хорошо поется. «Все глуше музыка души, все звонче музыка атаки», но «чем громче музыка печали, тем чище музыка любви».

Слово «любовь» в стихах Окуджавы звучит очень часто, но каждый раз неожиданно и по-новому. Религия Арбата, она ведь при всей своей неканоничности требует постоянной любви. «Часовые любви на Смоленской стоят. Часовые любви у Никитских не спят... Часовые любви по Арбату идут неизменно» — это сказано поэтом и солдатом любви. Это христианская поэзия, хотя в ней нет модной ныне религиозной символики.

Окуджава не боится быть сентиментальным, когда слезы подступают к горлу. Да полно! Не такие уж мы терминаторы и агенты 00, даже если с удовольствием смотрим фильмы про бесчужденных роботов. Сентиментальность поэта — это, если хотите, мужество, ибо никакие накаченные бицепсы не заменят чувство. Сейчас оно не в цене, но это пройдет. Окуджава — это вовсе не nostalgia по шестидесятым или по каким-то другим годам. В его поэзии тысячелетняя культура куртуазной любовной лирики, культура чувства. Кто-то видит в стихах Окуджавы только реалистические сюжеты. На самом деле его образы сродни живописи Босха и Сальвадора Дали. «Она по проволоке ходила, махала белою рукой, и страсть Морозова схватила своей мозолистой рукой». Сколько же здесь великолепной поэтической бессмыслицы. «Плачет старушка: мало пожила... А шарик вернулся, а он голубой».

Поэзия Окуджавы — вовсе не повод для назидательной беседы, хотя поэт всегда стремился к ясности и простоте. Он-то стремился, а поэзия все время подбрасывала какие-то замысловатые сдвиги. «Мама, мама, это я дежурю, я дежурный по апрелю!». Эти строки любили и любят за очаровательное высказывание из смысла. С одной стороны, все понятно: «дежурный по апрелю» — это дружинник с красной повязкой, но ведь совсем не об этом речь или, как любит говорить сам поэт, «ах, это, братцы, о другом».

Любые попытки отделить тексты Окуджавы от мелодий кончатся неудачей. Хочешь не хочешь, а слышишь мелодию. «Каждый слышит, как он дышит». Иной поэт жизнь готов отдать, чтобы в стихах было слышно его дыхание, но удаётся такое немногим. Многие строки Окуджавы стали уже афоризмами и пословицами. В зависимости от времени разное вспоминается. Сегодня, например, так и просится на язык: «Господи, дай властному наравствовать влать».

Окуджава принадлежит к малочисленному поколению победителей. Он не «выжил», не «уцелел», а именно победил. Два самых страшных врага, ненависть и ожесточение, пришли с этой войны. Они прочно угнездились в душах многих людей.

Почему же в поэзии Окуджавы этого нет. Ведь было от чего ожесточиться. Может, потому, что он создал свою поэтическую молитву.

Опустите, пожалуйста,
синие шторы.
Медсестра, всяких
снадобий мне не готовь.
Вот стоят у постели
моя кредиторы,
молчаливые:
Вера, Надежда, Любовь.

С этими кредиторами Окуджава расплатился сполна.